

"Хуа~Хуа~" - вздыхали белые и синие волны, разбиваясь о рифы и взметая вверх фонтаны хрустальной воды. Они накатывали на берег, оставляя на песке серебряные полосы, словно обрамляя могучее море сверкающей рамкой. Вдалеке небо и океан сливались в единое целое. Несмотря на то, что перед ними была всего лишь иллюзия, созданная Книгой Красной Луны, эта картина вселяла в душу умиротворение и радость. На берегу, скрестив ноги, сидели двое: один большой, другой маленький. Рядом с ними дремал, блаженно похрапывая, "холодный и властный" девятихвостый лис. Он казался погруженным в глубокий сон, но время от времени подергивающиеся, высоко поднятые лисьи уши выдавали его истинную цель - подслушивать.

"— Лис подслушивает.jpg""Я знаю, что у тебя много вопросов, но постарайся выбрать самые важные," - нарушил тишину Узумаки Менма. - "Если мы затайемся, старик может заподозрить что-то неладное.""Сильнейший Хокаге" Сарутоби Хирузен владел ниндзюцу под названием "Техника Телескопа". Стоило ему разгадать чакровые характеристики кого-либо, как он мог использовать хрустальный шар, чтобы следить за этим человеком на расстоянии. Менма чувствовал, что стоит старику-вонючке применить свою "Технику Телескопа", как над головой Наруто появятся чакровые колебания. И сейчас каждый шаг маленького Наруто находился под неусыпным контролем Сарутоби Хирузена. Несмотря на то, что юный Наруто был любопытен, кто этот "старик", что стоит перед его старшим братом, он все же спросил то, что волновало его больше всего. "Братик, ты... не ненавидишь меня?" Первый же вопрос Наруто застал Узумаки Менму врасплох. Он думал, что маленький Наруто спросит его, кто он, кто этот большой лис, где они находятся и как им выбраться отсюда. Но он и представить себе не мог, что Наруто задаст вопрос о ненависти. "Почему я..." - он собирался недоуменно переспросить. Менма склонил голову, заглядывая в детские глаза. Вторая половина фразы застряла у него в горле, и он замолчал на мгновение. В этих голубых глазах он увидел самое невинное ожидание, и увидел свое собственное отражение. Даже Девятихвостый, притворявшийся спящим, фыркнул с досадой. С момента рождения Наруто, то есть, с тех пор как ему исполнилось три года, братья всегда заботились о нем. После гибели четвертого Хокаге и его жены, третий Хокаге - старик, словно обезумев, - отдал младенца Наруто на попечение няньки. Сначала нянька была преданной и ответственной. Но с того момента, как в 53 году распространился слух о том, что "Узумаки Наруто - воплощение демонического лиса", она начала издеваться над маленьким Наруто. Поначалу она специально морила его голодом и жаждой, а позже даже пыталась подсыпать яд в его еду. Аньбу, отвечавшие за "защиту" Наруто, находились снаружи, но закрывали на это глаза. Менма не мог сидеть, сложа руки. "Пусть он немного глуповат, но все же мой двойник в [настоящем мире] и мой подчиненный. Как ты можешь издеваться над ним?" Он позволил Девятихвостому выпустить нить непрочищенной чакры биджу, которая мгновенно превратила злую няньку в дурочку. Действие было эффективно, но привело к тому, что Сарутоби Хирузен, ошибочно решив, что печать ослабла, наложил на Наруто ещё один слой печати пяти стихий. Это не имело никакого влияния на Узумаки Менму, но клетка Девятихвостого заметно уменьшилась, стала теснее. Менма прокомментировал: "Поздравляю, Мистер Курама, с новым роскошным пентхаусом с видом на море". Выражение лица Девятихвостого можно было описать тремя словами: м-м-п. В деревне одновременно ввели строгий запрет на упоминание слов "демонический лис". Жители начали называть Наруто "тем". Предыдущие побои и ругань переросли в нынешнее холодное безразличие, вызванное страхом и ненавистью. Слух о том, что "Узумаки Наруто - воплощение демонического лиса", был тайно разостлан Шимурой Данзо. Но Сарутоби Хирузен ограничился легким укором, без реальной расправы. Он до сих пор наблюдал из тени, то ли желая проверить стабильность "сосуда" Узумаки Наруто, то ли просто чтобы использовать ситуацию в своих целях. Он ждал подходящего момента, чтобы войти в игру, стать белым светом в сердце маленького Наруто и внушить ему волю огня. К этому моменту все отношения, которые Наруто чувствовал по отношению к окружающим, сводились к пренебрежению, ненависти и строжайшему контролю. Неудивительно, что его первый же вопрос был о том, ненавидит ли Менма его. Переключать всю ненависть и злобу на ребенка — только из-за неоправданно

раздутого слуха — глупо и жалко. "Минато Намикадзе был квалифицированным Хокаге и квалифицированным ниндзя. Но, определенно, он был никаким отцом, не говоря уже о политике." Если бы Наруто был обычным ниндзя, то, будучи сыном героя и Хокаге, к нему бы отнеслись с сочувствием и вниманием. Но Наруто - Джинчуурики Девятихвостого, а это равносильно ядерному оружию деревни Коноха. И Сарутоби Хирузен, и Шимура Данзо хотели полностью контролировать Джинчуурики Девятихвостого. Просто один шел к этому при помощи грубых и низменных методов, а другой - тайных и высокомерных. Узумаки Менма вздохнул. Ребенок судьбы? Какая глупость! Он всего лишь несчастный человек, которого всю жизнь манипулировали и который не может изменить ситуацию. В сравнении с Наруто, его видение, масштаб мышления, методы — все просто гнилые. Даже мечта, к которой он всю жизнь стремился, могла быть навязана ему силой, результат злобной промывки мозгов. "Вместо того чтобы быть пушечным мясом у того старого жаба и старика Рикудо, позволь мне показать тебе настоящий мир". Подумав об этом, Менма мягче улыбнулся: "Ты оптимистичен, силен и рассудителен. Как же я могу тебя ненавидеть?" Это была простая фраза, но она ошеломила маленького Наруто. Затем, под удивленными взглядами лиса и человека, его глаза заблестели слезами, и он не мог больше сдерживать их. "Прости, оо~" - Наруто в панике вытер слезы и продолжал извиняться. Ведь братик только сказал, что восхищается его силой и оптимизмом, но на секунду позже он невольно заплакал. Ведь найти человека, который ценит тебя и не желает зла, - это огромная радость. Он должен был сейчас смеяться, как и прежде. Но почему у него сжимается сердце, и хочется плакать... В этот раз Девятихвостый больше не притворялся спящим, а нахмурился, смотря на Узумаки Менму. Он хотел, чтобы Менма поскорее успокоил этого малыша. Больше всего на свете он терпеть не мог детский плач. Он действительно раздражал лиса. У Менмы дернулись глаза. Он понял, что все это было очень сложно. За две жизни ему не приходилось успокаивать детей. "Эх," - Узумаки Менма погладил маленького Наруто по голове. - "Плачь, плачь, ничего страшного". Неважно, насколько рассудительным и ранним было его сознание, он все еще был трехлетним ребенком. Но Наруто упорно сдерживал слезы и пытался улыбнуться своей обычной солнечной улыбкой: "Я, я в порядке, прости, братик..." "Меня зовут Узумаки Менма, зови меня Брат Менма". "Брат Менма, я, я Узумаки Наруто". Это был первый раз, когда маленький Наруто так торжественно представился. Он немного стеснялся. "Сушеная бамбуковая соломка" на японском языке звучит как "Менма", а в китайском переводе "干", что означает "сушеная бамбуковая соломка в рамен". Имя "Наруто" также является синонимом "рулета Наруто" в лапше рамен. В оригинальной истории Наруто говорил, что он любит рулеты Наруто и ненавидит сушеную бамбуковую соломку. Если бы ничего необычного не произошло, то Менма и Наруто были бы совершенно противоположными людьми. Но с появлением переселения душ все изменилось.